

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>
EDN: QZSHWE

Научная статья / Research article

Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане

Вячеслав Петрович Литвинов

Елецкий районный отдел народного образования,
Липецкая область, Россия
✉ litwinov.slav@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается проблема правового регулирования положения мусульманских женщин на присоединенных к России территориях Средней Азии (Русском Туркестане) в двух контекстах: с одной стороны, общего состояния женского вопроса в Российской империи, а с другой, – обеспечения прав всего местного населения региона. Исследуется роль имперской полиции в регулировании правового положения мусульманской женщины. При этом подчеркивается, что в различных областях России положение женщины имело свою региональную специфику, но особенно сложным оно было в исламской Средней Азии. Отмечается, что, в отличие от Бухарского и Хивинского ханств мусульманские женщины Русского Туркестана получали поддержку со стороны администрации и полиции, помогавших им противостоять традиционным положениям обычного права и шариата. Рассматриваются нормы, согласно которым женщины могли обращаться за защитой своих прав к русским властям. Выявляется значение принятого в 1886 г. нового «Положения об управлении Туркестанским краем», ухудшившего условия жизни женщины и оставившей ей возможность защищать свои права только через принятие христианства (православия). На основании различных источников доказывается, что положение женщины в регионе при русском правлении заметно улучшилось по сравнению с доимперским периодом.

Ключевые слова: гендерная история, женщины-кочевницы, среднеазиатские ханства, сартянки, обычное право, шариат, ислам

Для цитирования: Литвинов В.П. Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 272–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>

Administrative and Police Regulation of Muslim Women's Position in Russian Turkestan

Vyacheslav P. Litvinov

Yelets regional department of national education,
Lipetsk area, the Russian Federation
✉ litwinov.slav@yandex.ru

Abstract: The author considers in two contexts the problem of the legal regulation of Muslim women's position in Russian Turkestan, the Central Asia territories which had become part of Russia – on the one hand, the general state of the women's issue in the Russian Empire, and on the other hand,

© Литвинов В.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

how the state ensured the rights of the entire local population of the region. Within the text, the role of the imperial police in regulating the legal status of Muslim women is examined. It is emphasized that in various regions of Russia the position of women had its own regional specifics, but it was especially difficult in Islamic Central Asia. However, it is noted that unlike the Bukhara and Khiva khanates, Muslim women of Russian Turkestan gained support from the administration and the police, which helped them resist the traditional provisions of customary law and Sharia. Imperial civil law was considered the norm according to which women could turn to the authorities for protecting their rights. The author also reveals the influence of the new “Regulations on the Administration of the Turkestan Territory” adopted in 1886, which worsened the living conditions of women and left them with the opportunity to protect their rights only through the adoption of Christianity (Orthodoxy). Nevertheless, based on various sources, the article shows that the position of women in the region under Russian rule had significantly improved compared to the pre-imperial period.

Keywords: gender history, nomadic women, Central Asian khanates, Sart women, customary law, Sharia, Islam

For citation: Litvinov, V.P. “Administrative and Police Regulation of Muslim Women’s Position in Russian Turkestan.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 272–285 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>

Введение

Актуальность темы статьи определяется, прежде всего, той ролью, которую играют женщины в современном мире, их возрастающим влиянием на политическое и культурное развитие общества. Особое значение разработки темы заключается в необходимости исследования отношения модернизирующегося государства, действующего на основании системы законов, и традиционного общества, ограничивавшего права женщин. Современное звучание теме придает используемый в статье гендерный подход, позволяющий объективно рассмотреть положение женщины Средней Азии в дореволюционный период и опровергнуть получившие сегодня широкое распространение взгляды на имперский, якобы колониальный характер отношения России к ее мусульманской окраине.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии тема русской женщины получила достаточно широкое освещение¹. Определенный интерес вызывала и проблема положения женщин-мусульманок Средней Азии. Еще в дореволюционный период к ней обращался ряд исследователей². Не осталось без внимания и правовое положение мусульманок региона³. В советской историографии, ориентированной на разоблачение колониальной политики царизма, подчеркивались бесправное положение женщины-мусульманки и отстраненность русской администрации от решения социальных проблем региона. Так, историк М. Аюбжано-

¹ См.: Пушкарева Н.Л. 1) Русская женщина – история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002; 2) Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; Ворошилова С.В. Положение женщины в крестьянской семье в дореволюционной России // История государства и права. Научно-правовое издание. 2012. № 3. С. 14–16; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб., 2015. Т. 2. С. 185–199 и др.

² Наливкин В.П., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886; Мальшев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902; Шканский О. Положение женщин у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. 1896. № 6. С. 1–19; № 7. С. 34–53; Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Аляя // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 955–981 и др.

³ Бартольд В.В. Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6; Джалилов А. Из истории положения женщин Средней Азии до и после распространения ислама. М., 1874; Остроумов Н.П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911 и др.

ва утверждала: «Царские чиновники проявили полную безучастность к судьбам женщин Средней Азии»⁴.

В современной историографии женский вопрос в Русском Туркестане рассматривается объективнее, хотя отголоски негативистского подхода встречаются в ряде работ национальных историков суверенных государств Средней Азии⁵. Вместе с тем сама проблема отношения русской администрации к положению женщины в регионе так и не стала объектом специального исследования, что и делает обращение к ней необходимым.

Целью исследования является выявление деятельности русской администрации и полиции по обеспечению прав женщины-мусульманки Русского Туркестана.

Источниковой базой послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в фонде «Семиреченское областное правление» (Ф. 44) Центрального государственного архива Казахстана, «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора» (Ф. 1), «Самаркандское областное правление» (Ф. 18) и «Управление начальника города Ташкента» (Ф. 36) Центрального государственного архива Узбекистана и «Канцелярия начальника Закаспийской области» (Ф. 1) Центрального государственного архива Туркменистана.

Также к исследованию были привлечены опубликованные нормативно-правовые акты и публицистические материалы.

Положение женщины в Российской империи

Российское законодательство XVIII–XIX вв. регулировало положение женщин Империи, в том числе на присоединенных территориях Средней Азии. Так, например, сенатским указом от 22 января 1757 г. было запрещено после наказания кнутом женщин «рвать ноздри и ставить клейма на лице»⁶. Закон от 21 апреля 1785 г. указывал, что нанесший бесчестье замужней женщине должен платить ей вдвое больше, нежели ее мужу за такое же деяние⁷. Власть запрещала выдачу замуж девушек моложе 16 лет⁸. Именными указами императора Александра II от 17 апреля 1863 г. женщины были полностью избавлены от телесных наказаний⁹. Власть запрещала женщинам ночные работы на горных промыслах¹⁰. Женщины, осужденные на каторжные работы, в рудники не назначались. Беременные женщины из ссыльных до разрешения от бремени и 40 дней после этого вообще освобождались от работ. Позже их как кормящих матерей назначали на легкие работы. На кормле-

⁴ *Аюбжанова М.* Женский вопрос в дореволюционном Туркестане // Сборник работ аспирантов ТашГУ. Вып. 254. История. Ташкент, 1964. С. 212; См. также: *Диванова Т.* Калым и причины, способствующие его сохранению // Вопросы истории и права. Сб. статей преподавателей вузов ТССР. Ашхабад, 1972; *Пальванова Б.* Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад, 1967; *Ченчик В.А.* О положении женщины в Туркмении // Известия АН Туркменской ССР. Серия: Общественные науки. 1964. № 4. С. 30–38 и др.

⁵ См.: *Абашинов С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007; *Бектурганова К.А.* Исторические образы кыргызских женщин: от Каныкей до Курбанджан // Курбанджан датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Материалы Международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. С. 158–166; *Плюских С.В.* Власть и женщины в кыргызском обществе XIX в. // Там же. С. 198–199; *Мирмаматова Р.А., Мамадалиев И.А.* К вопросу о раскрепощении женщин-мусульманок Средней Азии во второй половине XIX начале XX вв. (на материалах «Туркестанского сборника») // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2014. № 2. С. 149–155 и др.

⁶ Полный свод законов Российской империи-I (далее – ПСЗРИ). Т. 14: 1830. № 10686. С. 717.

⁷ Там же. Т. 22. СПб., 1830. № 16188. Ст. 91. С. 367.

⁸ Свод законов Российской Империи (далее – СЗРИ). Издание 1912 года. Т. 10. Ч. 1: 1912. С. 1.

⁹ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1: 1866. № 39504. Ст. IV, V. С. 353; Там же: № 39505. Ст. 3. С. 354.

¹⁰ СЗРИ. Т. 7: 1912. С. 76.

ние ребенка отводилось полтора года¹¹. Любая защита женщиной своей чести и целомудрия (даже убийство) считалась необходимой обороной¹². «Уголовное уложение» 1845 г. содержало 10 статей о серьезном наказании за посягательство на указанные женские достоинства – каторжные работы до 15 лет¹³. Лица, вовлекшие незамужних женщин в сожительство, обязывались жениться на них. В Полном собрании законов Российской империи (1649–1913 гг.) содержатся десятки актов о наказании за аморальное отношение к женщинам. Таким образом, факты свидетельствуют о том, что женщины России обладали определенными правами, которые впоследствии распространялись и на мусульманок Русского Туркестана.

При этом следует учесть, что законодательство дореволюционной России, касающееся женщин, учитывало региональные особенности и, прежде всего их этноконфессиональную принадлежность.

Особое внимание государство уделяло положению женщины-мусульманки, принадлежавшей ко второй по численности конфессии в Российской империи – исламу. Власть отдавала решение женского вопроса в мусульманских регионах в ведение учрежденных государством религиозных управлений, которые должны были решать его на основе традиционного права (шариата)¹⁴. Вместе с тем власть сохраняла за собой полномочия, позволявшие влиять на положение мусульманских женщин России. Так, например, в начале 1835 г. был издан закон, разрешавший женам мусульман-рекрутов вступать в брак вторично¹⁵. Вскоре такое же право получили жены ссыльных «магометан»¹⁶. На исходе 1836 г. последовал акт о пресечении многобрачия, однако он не касался мусульманок, желавших выйти замуж за уже женатого единоверца¹⁷. Анализ такого рода документов показывает, что они принимались с учетом соответствующих шариатских установлений и никак им не противоречили. Таким образом, ко времени присоединения Средней Азии к Российской империи в 1860-х гг. в стране сложилась определенная правовая база, оказывавшая существенное влияние на социальное положение мусульманской женщины. Надзор же за исполнением указанных выше законодательных установлений возлагался на учреждения царской полиции.

Положение мусульманской женщины до вхождения Средней Азии в состав Российской империи

В дореволюционной историографии, опиравшейся, в основном, на оценочные суждения путешественников и публицистов, существовало мнение об абсолютно бесправном положении женщины-мусульманки Средней Азии¹⁸. Вместе с тем в ряде научных трудов указывалось на то, что ...имущественные права женщины обеспечены шариатом в большей степени, чем многими европейскими сводами законов¹⁹.

¹¹ СЗРИ. Т. 14: 1912. С. 239, 240; Так же: ПСЗРИ-I. Т. 39: 1830. № 29773. С. 67.

¹² Там же. Т. 15: 1912. С. 10.

¹³ Там же. Статьи 1523–1532. С. 168–170.

¹⁴ ПСЗРИ-I. Т. 22: 1830. № 16710. С. 1107–1108; ПСЗРИ-I. Т. 23: 1830. № 17174. С. 482; ПСЗРИ-II. Т. 47. Отд. 1: 1875. № 50680. С. 379–397.

¹⁵ ПСЗРИ-II. Т. 10. Отд. 1: 1836. № 7735. С. 20–21.

¹⁶ Там же. Т. 11. Отд. 1: 1837. № 8764. С. 14.

¹⁷ Там же. Отд. 2: 1837. № 9713. С. 207–208.

¹⁸ См.: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. 113; Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1. С. 171.

¹⁹ *Бартольд В.В.* Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 468.

С другой стороны, отмечалось отсутствие права «женщин-сартянок» (сарты – оседлые земледельцы. – *В.Л.*) на участие в общественной жизни.

В итоге известный историк-востоковед, академик В.В. Бартольд приходил к выводу, что мусульманская женщина имела больше прав по сравнению с другими кочевыми народами Востока²⁰. Но здесь, как представляется, с Бартольдом можно согласиться лишь отчасти. Номады Востока вообще и Средней Азии в частности жили по нормам обычного права. Жизнь мусульманской кочевницы внешне казалась свободной и беспроблемной. Особенно она восхищала зарубежных путешественников – чаще всего агентов спецслужб. Англичанин Г. Лэнселл считал положение кочевниц гармоничным в сообществах номадов²¹. Британский лорд Дунмор писал о том, что кочевники Русского Туркестана

обращаются со своими женщинами очень хорошо и более разумно, чем большинство мусульманских народов. Замужние киргизки²² не жалуются на своих мужей, они чрезвычайно свободны в своих действиях и никогда не закрывают свое лицо. Они прекрасные хозяйки и очень заботливые матери²³.

Такого же мнения придерживался капитан англо-индийских спецслужб Р.П. Кобболд²⁴. Норвежец Свен Гедин подчеркивал, что «хотя киргизы и являются мусульманами, их женщины не ходят в парандже, но свободно показывают свое лицо»²⁵.

Однако это была только видимая часть положения мусульманской женщины-кочевницы. Обычное право (адат) рассматривало женщину как имущество, принадлежавшее сначала отцу, а потом мужу – за определенную плату – калым. Она не имела права наследования, свидетельства в суде и т.п. По словам А. Жакиповой, «женщина-казашка была бесправна во всех сферах общественно-политической жизни»²⁶. Исследователь кочевого обычного права (адата) народов Средней Азии С.К. Кожоналиев писал о том, что в дороссийский период, согласно адату, женщину можно было убить без наказания судом, ее можно было продать, отдать в долг, возместить ею долг вместо скота, даже продать по расписке. За кражу женщин, изнасилование их и т.п. суд биев наказывал только как за посягательство на чужое имущество²⁷.

Наиболее уважительным отношение к женщине было у киргизов. В их всемирно известном эпосе «Манас» жена Манаса Каныкей говорит мужу: «Кем быть царю, зависит от женщины». Киргизский фольклор знает образы великих женщин – Сайкал, Айчурек, Жаныл и др. Только у киргизов женщина имела верховную власть над сородичами в реальной жизни. Кыргызка Курбанджан-датха (1811–1907) называлась «царицей Алая», и многотысячная масса кочевников Памиро-Алая слушалась ее беспрекословно. Ее уважали при дворе кокандских ханов,

²⁰ Бартольд В.В. Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 469.

²¹ Lansdell H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. London, 1885. Vol. 1. P. 331.

²² Киргизами в то время называли всех кочевников Средней Азии, за исключением туркмен.

²³ Dunmore. *The Pamirs: being a narrative of a year's expedition on horse back and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia*. London, 1893. Vol. 2. P. 118.

²⁴ Cobbold R.P. *Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs*. London, 1900. P. 49.

²⁵ Hedin S. *My life as explorer*. New York, 1925. P. 129.

²⁶ Жакипова А. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 29.

²⁷ Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право киргизов до Октябрьской революции (1850–1917 гг.). Алма-Ата, 1967. С. 15.

а после ликвидации их власти почитали туркестанские генерал-губернаторы, дававшие ей царские подарки²⁸.

Положение кочевницы Средней Азии не было полностью бесправным. Основная причина женских несчастий заключалась в выдаче девушек замуж за нелюбимого человека, часто ей вообще незнакомого до свадьбы. Известно, что в среде мусульман Средней Азии, как оседлых, так и кочевых, браки заключались по соглашению между родителями еще при рождении детей либо с малолетнего возраста, и с тех пор начиналась выплата «махра» (калыма) за будущую жену. В дороссийский период мусульманские женщины Средней Азии не имели никакой возможности избавиться от уготованной им судьбы, и случаи суицидов были нередкими в их среде. Обращения женщин с жалобами на насильственные браки в суды по шариату или адату не имели никакого успеха.

Власть и мусульманская женщина в Русском Туркестане

С присоединением Средней Азии к России в 1860-х гг. положение коренного населения, в том числе женского, стало меняться. В первом «Туркестанском положении» от 6 августа 1865 г.²⁹ царская власть оставила брачно-семейные дела в ведении традиционных судов коренного населения – по шариату и адату. Управляющие «туземным» населением и городничие не вмешивались в их деятельность. Однако они не могли не заметить тяжелое положение мусульманок и не доносить об этом в «верха». Поэтому «Степная комиссия», разрабатывавшая законодательный проект «Временного положения» для планируемого к учреждению в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства (края), учла это обстоятельство и внесла в него две поправки, призванные защитить права мусульманской женщины в его пределах. В июле 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство³⁰. Проект управления в нем был рассмотрен, но не утвержден министерствами, а его запустил в административный оборот лично император Александр II, что не умаляло значения документа как закона, почти два десятилетия регулировавшего всю жизнь Туркестанского края. § 203-й проекта «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. гласил: «В брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который решает дело, а по более важным – представляет военному губернатору на его усмотрение»³¹. Это относилось к кочевым женщинам. Но защищались и права мусульманок из числа оседлых жителей. Статья 235-я Проекта 1867 г. указывала:

В делах брачных и посемейных сторона, недовольная решением казиев, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который или решает дело сам, или представляет на усмотрение военного губернатора³².

Несмотря на некоторую разницу формулировок, содержание двух статей можно считать идентичным. Таким образом, русская власть одинаково защищала права как кочевой, так и оседлой мусульманской женщины.

²⁸ Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, каракиргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 955–981; Курбанджан-датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа: Материалы международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. С. 344.

²⁹ ПСЗРИ-П. Т. 40. Отд.1: 1867. № 42372. С. 876–881.

³⁰ Там же. Т. 42. Отд. 1: 1871. № 44831. С. 1150–1151.

³¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 31.

³² Там же.

Здесь важно учесть, что, в отличие от краев, губерний и областей «внутренней» России, в которых полицейская власть в уездах была отделена от административной, в Туркестанском крае они выступали совместно. В Проекте 1867 г. отмечалось, что «уездный Начальник есть власть административная и полицейская»³³. Он указывал, что «уездный Начальник по делам полицейским пользуется правом Уездного Исправника»³⁴. Как начальник уездной администрации царский чиновник не имел права вмешиваться в «туземное» судопроизводство, однако как руководитель местной полиции должен был не только обеспечивать исполнение его постановлений, но и реагировать на жалобы, принесенные ему на судебные решения. Следует отметить, что полиция в Туркестане подчинялась не министерству внутренних дел, а военному министерству. Ее чины носили армейскую форму, в связи с чем ее иногда называли военной полицией.

Дореволюционный знаток Средней Азии И. Аничков писал о том, что статья 203-я проекта «Туркестанского положения» 1867 г. разрешала начальникам уездных полицейских управлений «выдавать открытые виды на проживание киргизкам, не пожелавшим выйти замуж по адату», и многие из них воспользовались этой статьей. Среди оседлых мусульманок протесты против насильственной выдачи замуж тоже имели место. Однако «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. отняло у них право «видеть в лице русского начальника единственный выход из своего невозможного положения»³⁵. Действительно, в период с 1867 г. до начала 1887 г. было немало случаев обращения мусульманских женщин к русским властям с жалобами на решения народных судов по их выдаче замуж.

Процедура обращения мусульманских женщин к русским властям за защитой была установлена царской администрацией региона. Они должны были подавать прошения на имя военных губернаторов области, которые отправляли документы на рассмотрение и принятие соответствующих мер начальникам уездной полиции. Если женщины-просительницы состояли до этого в браке, то уездные начальники обязательно обращались по их заявлениям в народные суды. Например, 24 февраля 1873 г. «киргизка» Верхне-Каратальской волости Копальского уезда Гайша Курбанова подала прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому, в котором сообщала, что после смерти первого мужа вторично была выдана отцом замуж за Курбана Файзуллина, который оказался пьяницей, промотал все имущество, а потом уехал в Ташкент и в течение семи лет не поддерживал с ней никаких связей. Просила выдать ей свидетельство о разводе с тем, чтобы вторично выйти замуж за «киргиза» Ахмеджана³⁶. 5 марта 1873 г. прошение Гайши отправили для рассмотрения начальнику Копальской уездной администрации и полиции. 10 мая 1873 г. последний сообщал военному губернатору о том, что муж Гайши, действительно, вел порочный образ жизни, бросил жену и находился в 7-летней отлучке. Поэтому он выдал «киргизке» свидетельство о разводе с Курбаном Файзуллиным³⁷. 29 мая 1873 г. Колпаковский, хорошо знавший «киргизский» язык и быт кочевников, писал начальнику Копальской уездной полиции о том, что тот не имеет права выдавать указанное свидетельство, поскольку на основании «Туркестанского положения» 1867 г. бракоразводные дела решаются в народном суде. Однако уездный полицейский начальник повлиял на суд биев,

³³ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. § 45-й. С. 9.

³⁴ Там же. § 60-й. С. 11.

³⁵ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899. С. 109.

³⁶ Центральный государственный архив Казахстана (далее – ЦГА Каз.). Ф. 44. Оп. 1. Д. 29846. Л. 3–3 об.

³⁷ Там же. Л. 2 об.

который признал выданное им свидетельство о разводе законным, и Гайша вышла замуж за избранного ею Ахмеджана. 23 февраля 1874 г. он доложил военному губернатору о том, что вопрос с жалобщицей-«киргизкой» решен окончательно, а дело «это не передается на народный суд, потому что иска никто не предъявил»³⁸.

В 1882 г. Семиреченская область как самая «кочевая» по составу населения была передана в ведение образованного Степного генерал-губернаторства (края)³⁹. Однако до принятия нового «Степного положения» от 25 марта 1891 г.⁴⁰ в ней продолжал действовать проект «Туркестанского положения» 1867 г., в том числе и упоминавшаяся выше статья 203-я. Поэтому в 1884 г. семиреченские власти также пытались помочь «киргизке» Дурдане Есенгуловой, подавшей 5 марта прошение военному губернатору, генерал-майору А.Я. Фриде. Она указывала, что уже дважды была замужем и оба супруга умерли. Теперь волостной управитель Сарымсак Айдосов выдал ее замуж за чужого человека Челобая Тойчубекова, у которого она уже живет второй месяц. Есенгулова просила наказать Айдосова и разрешить ей выйти замуж по собственному выбору. В прошении Дурдане особо отмечала, что уже подавала жалобу начальнику Верненского уезда, но он не помог ей⁴¹. Губернатор обратился за разъяснениями к последнему. 30 марта 1884 г. начальник Верненской уездной полиции писал генералу Фриде о том, что он разбирался с делом Есенгуловой и добился, чтобы ей дали свободу в желании выйти замуж по своей воле. Народный суд поддержал его, так как обычное право кочевников разрешало вдовам, пережившим период левирата – замужества за братом покойного мужа, самим выбирать себе нового мужа. Дореволюционный российский исследователь обычного права кочевников Туркестана Н. Малышев писал о том, что в «эреже»⁴² чрезвычайного съезда кочевых судей-биев г., в частности, отмечалось: «Вдова пусть по своей воле выходит замуж»⁴³. Некоторое время Есенгулова не давала о себе знать, но 20 августа 1886 г. она подала военному губернатору Семиреченской области новое прошение, в котором сообщала, что живет с Тойчубековым очень плохо, имущество покойного мужа у нее отняли. Она просила предоставить ей полную свободу и выдать о том «бумагу» для выбора того образа жизни, который она пожелает⁴⁴. 28 августа 1886 г. генерал Фриде писал Верненскому уездному начальнику о том, что поскольку Дурдане Есенгулова не воспользовалась данной ей в 1884 г. свободой выбора мужа, то ее дело нужно закрыть, обеспечив ей защиту от притеснений мужа и его родичей⁴⁵.

Было бы ошибочным полагать, что русская администрация в Средней Азии в женском вопросе слепо следовала букве закона, то есть принимала только жалобы на решения народных судов биев и казиев по брачно-семейным делам. На самом деле русские власти в регионе принимали жалобы и от мусульманских женщин, которые просили защитить их от давления родителей и родичей, требовавших от них выйти замуж за нелюбимых женихов. Приведем пример. 25 апреля 1875 г. «киргизка» Калипа Байменова подала прошение военному губернатору Семиреченской области, в котором жаловалась на то, что родители хотят выдать ее замуж против ее желания⁴⁶. 4 июня 1875 г. генерал Колпаковский предписал начальнику

³⁸ Центральный государственный архив Казахстана (далее – ЦГА Каз.). Ф. 44. Оп. 1. Д. 29846. Л. 6.

³⁹ ПСЗРИ-III. Т. 2. Отд.1: 1886. № 886. С. 211–212.

⁴⁰ Там же. Т. 11: 1894. № 7574. С. 133–147.

⁴¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 34270. Л. 3–4.

⁴² Коллективное правовое заключение кочевых судей-биев.

⁴³ Малышев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902. С. 80.

⁴⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп.1. Д. 34270. Л. 14–14 об.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ Там же. Д. 30105. Л. 1.

Сергиопольской уездной администрации и полиции помочь Калипе всеми возможными для него способами. 12 июня 1875 г. тот вызвал к себе Аягузского волостного управителя и приказал ему обязать родителей Байменовой не выдавать ее замуж насильно. Однако это не имело успеха, и 3 октября 1875 г. Калипа снова подала прошение военному губернатору, сообщая о том, что ее с 9 лет просватали за Мендыбая Когитаева и теперь заставляют выйти за него, чтобы не возвращать выплаченный калым. И она вновь просила защиты у русских властей⁴⁷. Колпаковский понимал всю сложность ситуации, но потребовал от начальника Сергиопольской полиции отчета о принятых мерах относительно Байменовой. 12 ноября 1875 г. он докладывал о том, о чем мы писали выше. На некоторое время дело заглохло, однако, как оказалось, Калипа продолжала упорствовать натиску родичей: 18 апреля 1877 г. она сообщала в прошении Колпаковскому о том, что терпит «невыносимые мучения» и просит разрешить ей выйти замуж за того, кого она сама выберет⁴⁸. Военный губернатор 15 мая 1877 г. потребовал от уездной полиции оградить Байменову от притеснений и положить конец ее истории. Архивное дело не указывает, к каким мерам прибег начальник Сергиопольского уезда, однако 25 сентября 1879 г. он сообщал генералу Колпаковскому о том, что Калипа вышла замуж за избранного ею самой «киргиза» Айбака Дюзмамбетова, но отвергнутый жених подал иск о возвращении калыма в народный суд, который вскоре будет рассмотрен⁴⁹.

В 1871 г. семиреченский губернатор получил прошение от дочери султана Джаная Джамили, которая жаловалась на родичей, препятствовавших ей выйти замуж по собственному выбору⁵⁰. Колпаковский распорядился помочь «киргизке». Дело длилось три года, но девушка смогла с помощью русских властей добиться своего. В 1873 г. они же помогли «киргизке» Таке выйти замуж по своей воле за чужеродного для казахов татарина, хотя она с детства считалась невестой другого⁵¹. В 1874 г. к Колпаковскому обратилась с прошением «киргизка» Маргуба. Она жаловалась на то, что отец заставляет ее выйти замуж за нелюбимого человека⁵². Генерал, которого очень уважало «туземное» население, лично приложил усилия для решения этого вопроса⁵³. В 1877 г. начальник Сергиопольской администрации и полиции прислал Колпаковскому вместе с рапортом прошение «киргизки» Кульбай, в котором она жаловалась на то, что ее отец и родичи препятствуют ей выйти замуж за любимого человека. Генерал приказал начальнику Сергиопольской полиции повлиять на родных казашки, что и было сделано⁵⁴.

Таким образом, российские власти, используя административно-полицейский ресурс, обходили традиционные нормы и становились на защиту прав женщин-мусульманок.

О переходе мусульманских женщин в православие

Одним из надежных способов упрочения правового положения мусульманских женщин Русского Туркестана и обеспечения его полицейской защитой было принятие ими «господствующей веры» – православия. Следует заметить, что конфессиональные переходы происходили еще до присоединения Средней Азии к России. И пионерами изменения веры здесь были опять-таки мусульманки-кочевницы.

⁴⁷ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп.1. Д. 30105. Л. 5–5 об.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ Там же. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Д. 29963. Л. 1–1 об.

⁵¹ Там же. Д. 29898. 1, 4, 6 об.

⁵² Там же. Д. 29938. Л. 1–1 об.

⁵³ Там же. Л. 2–5.

⁵⁴ Там же. Д. 21219. Л. 3–4.

Уже в Северном Туркестане (так называемой «Киргизской степи») имели место случаи добровольного принятия казахами православной веры. Например, так поступила казашка Кармыза, которая была девочкой отдана в жены нелюбимому человеку. После замужества она не раз сбежала в соседние русские селения Оренбургского казачьего войска, спасаясь от жестокого обращения мужа. Казашка Мария Тушканова принимала ее, помогала и знакомила с основами православной религии. Попытки казахов принудить ее вернуться к мужу не имели успеха, так как Кармыза приняла православие под именем Марии Косьминичны Кабановой и получила право на защиту со стороны царской власти (полиции). Со временем она даже совершила паломничество в Москву и Киев и стала проповедовать православие среди казахов, за 30 лет обратив в христианство более 200 чел., преимущественно женского пола. В 1870 г. ее удостоила приема императрица Мария Александровна, сделавшая пожертвование в фонд помощи казахам – неофитам православия. Осенью 1890 г. Мария Косьминична была пострижена в монахини под именем Манефы, а вскоре, 22 октября 1890 г., скончалась в возрасте 59 лет⁵⁵.

В Русском Туркестане ее пример получил распространение после того, как «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. отменило право мусульманских женщин обращаться к русской администрации и полиции в вопросах брачно-семейных отношений и выхода замуж по своей воле⁵⁶. Поэтому мусульманки стали чаще обращаться с просьбами о крещении их с тем, чтобы избавиться от традиции выхода замуж за нелюбимого человека под давлением семьи, заранее получившей за нее калым. Так, например, 11 июня 1890 г. «киргизка» Курдайской волости Бекубаева подала прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору Г.И. Иванову о том, что она хочет принять крещение, однако встречает сопротивление со стороны мужа и родственников. Просила оградить ее от их притеснения до тех пор, пока ее не окрестят⁵⁷. После настойчивых усилий полицейской власти по защите прав потенциальной христианки ее муж Калиулла Бекубаев тоже попросил крестить его в православие. Мусульманка Тынчтык Саксенбаева подала 21 сентября 1890 г. прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору Г.И. Иванову о своем желании принять православие. Она писала о том, что муж и родители хотят ее за это убить и просила помочь ей. 25 сентября 1890 г. семиреченский губернатор сообщал начальнику Верненской уездной полиции: «Прошу оказать ей защиту от преследования ее и угроз со стороны мужа ее и других киргизов»⁵⁸. Уездный начальник, в лице которого мусульмане привыкли видеть главную русскую власть над собой, сумел исполнить просьбу губернатора, прибегнув к угрожающей риторике – в итоге Саксенбаева была благополучно окрещена. Священник Дмитрий Муромцев писал о том, что в станице Саркандской епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий (Абашидзе) столкнулся с группой «киргизов» – женщины и мужчин. Женщина пыталась прорваться к епископу, а мужчины ее сдерживали. Выяснилось, что она хотела уйти от законного, но нелюбимого ею мужа, заплатившего за нее калым. «Киргизка» просила разрешить ей принять православие с тем, чтобы избавиться от притязаний мужа и обратиться к любви по собственному выбору⁵⁹.

⁵⁵ Муқаналиева А.М. Из истории развития православного миссионерства на территории Западного Казахстана // Сборник материалов XLI Международной научно-практической конференции. 23 ноября 2018 г., г. Москва. М., 2018. С. 23.

⁵⁶ ПСЗРИ-III. Т. 6: 1888. № 3814. С. 318–344.

⁵⁷ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 31510. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Л. 13.

⁵⁹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября. № 20. Часть неофициальная. С. 488.

Среди мусульманок из числа оседлых жителей Русского Туркестана случаи перехода из ислама в христианство тоже имели место, однако реже по сравнению с кочевницами. Так, например, в феврале 1893 г. в Самарканде приняла православие бухарская подданная-мусульманка Нахос-Ходжа. В крещении она получила имя Мария Ивановна Бабаева. В 1894 г. она вернулась в Бухару, где была известна как проститутка. Узнав о ренегатстве женщины, местные фанатики едва не убили ее. Российскому политическому агенту в Бухаре П. Лессару едва удалось переправить ренегатку в Самарканд⁶⁰. Благодетель православных церквей Самаркандского округа, о. Михаил (Омелюстный) окрестил в октябре 1912 г. бездетную и незамужнюю жительницу г. Катта-Кургана Харнису Мухамедминовну Шемьянову⁶¹.

Однако не все женщины-мусульманки допускались к принятию крещения. Например, 28 сентября 1876 г. начальник Ташкентской тюрьмы писал начальнику городской полиции о том, что содержащаяся в заключении по подозрению в убийстве мужа Ядыгарая «сартянка»⁶² Тадми Баймагомедова подала прошение о принятии ею православия⁶³. 20 октября 1876 г. городской начальник обратился по этому поводу к благодетелю православных церквей Сырдарьинской области, протоиерею Андрею (Малову). Но он не разрешил «уголовнице» принять крещение⁶⁴. Такая же проблема возникла в 1877 г., когда сидевшая в ташкентской тюрьме за занятие проституцией жительница Чимкентского уезда Азизхан Файзильбаева подала прошение о принятии православия. Но ей тоже было отказано в крещении⁶⁵. Известный туркестанский деятель Н.П. Остроумов сообщал о конфликте самаркандского священника Н. Высоцкого с начальником Зеравшанского округа, генерал-майором Н.А. Ивановым⁶⁶ относительно «присоединения» к православию «туземной» женщины, пребывавшей до этого в местном публичном доме. Иванов полагал, что ее крещение оскорбит «господствующую» веру. Его поддержал и «Главный начальник» края генерал К.П. фон Кауфман, усмотрев в желании «сартянки» креститься только корыстные намерения⁶⁷. В результате мусульманская «куртизанка» осталась в своей прежней вере. Жительница Закаспийской области Фатъма Сулейман-кызы 16 марта 1885 г. подала прошение о желании принять православие. Однако наведенные о ней справки показали, что она отличается «легким поведением» и хочет принять христианство для того, чтобы расторгнуть мусульманский брак с мужем и жить свободно⁶⁸. 6 апреля 1885 г. начальник Ахалтекинского уезда, полковник Невтонов объявил Фатъме об отказе властей на ее «просьбу о переходе из магометанства в православие»⁶⁹.

Приведенные факты перехода мусульманок в православие свидетельствуют об определенной тенденции, которая требует дальнейших изысканий, создающих базу для статистических обобщений. Но очевидно то, что русские власти оказывали поддержку мусульманкам, решившим принять православие, а сам переход создавал для администрации основу для защиты прав женщины.

⁶⁰ Центральный государственный архив Узбекистана (далее – ЦГА Узб.). Ф. 1. Оп. 29. Д. 1083. Л. 4 об.

⁶¹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3279. Л. 12.

⁶² Сартами называли оседлых жителей Туркестанского края.

⁶³ ЦГА Узб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Л. 2 об.

⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶ Был туркестанским генерал-губернатором в 1901–1904 гг.

⁶⁷ *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899. С. 107.

⁶⁸ Центральный государственный архив Туркменистана. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2822. Л. 3.

⁶⁹ Там же. Л. 4–4 об.

Выводы

Таким образом, положение женщины в Российской империи определялось законами, а также традиционными нормами права. Государство во многом законодательно защищало ее права. На положение женщин влияли также региональный и этноконфессиональный факторы. С их учетом государство регулировало женский вопрос в мусульманских регионах Российской империи, во многом опираясь на провозглашенный генерал-губернатором Туркестанского края К.П. фон Кауфманом принцип «игнорирования» ислама, означавший проведение политики веротерпимости и невмешательства в традиционные устои.

Однако по мере освоения Средней Азии конфликт между модернизирующимся государством и традиционным среднеазиатским обществом стал нарастать, что отразилось наряду с прочим на положении женщин региона, привело к обострению женского вопроса. При этом следует учесть неоднородность женского социума, который делился на кочевых и оседлых обитательниц края. Их положение в доимперский период регулировалось традиционными нормами и шариатом, и было в значительной мере бесправным. Они одинаково вынуждены были выходить замуж не по своему выбору, а за калымные выплаты. Царское правительство ввело в проект «Туркестанского положения» 1867 г. нормы, позволяющие мусульманкам в брачно-семейных делах обращаться за помощью к администрации и полиции Русского Туркестана. Это дало некоторый эффект, преимущественно в кочевой среде региона. Но с принятием «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. мусульманские женщины утратили право обращения за помощью к русской власти по брачным делам. Теперь они могли приобрести свободный статус только через принятие православия. В целом, несмотря на все сложности, положение мусульманской женщины в Средней Азии при русской власти заметно улучшилось по сравнению с периодом до присоединения региона к России.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2024

References

- Abashin, S.N. *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in search of identity]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2007 (in Russian).
- Anichkov, I. *Ocherki narodnoi zhizni Severnogo Turkestana* [Essays on the folk life of Northern Turkestan]. Tashkent: F. i G. br. Kamenskie Publ., 1899 (in Russian).
- Ayubzhanova, M. “Zhenskii vopros v dorevolucionnom Turkestane [Women's issue in pre-revolutionary Turkestan].” *Sbornik rabot aspirantov TashGU. Vyp. 254. Istoriya*. Tashkent: Izd. Tashkentskogo universiteta im. V. I. Lenina Publ., 1964 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. “Pervonachal'nyi islam i zhenshchina [The original Islam and the woman].” In vol. 6 of *Sochineniia*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1966 (in Russian).
- Bekturganova, K.A. “Istoricheskie obrazy kyrgyzskikh zhenshchin: ot Kanykei do Kurbandzhan [Historical images of Kyrgyz women: from Kanykei to Kurbandzhan].” In *Kurbandzhan datka – vydaiushchiisia politicheskii i obshchestvennyi deiatel' kyrgyzskogo naroda. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabria 2011 g.* [Kurbanjan datka – an outstanding political and public figure of the Kyrgyz people. Proceedings of the International Scientific Conference of October 25, 2011], 158–166. Bishkek: KRSU Publ., 2011 (in Russian).
- Chenchik, V.A. “O polozhenii zhenshchiny v Turkmenii [On the status of women in Turkmenistan].” *Izvestiia AN Turkmenskoi SSR. Seriya: Obshchestvennye nauki* [News of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. Series: Social Sciences], no. 4 (1964): 30–38 (in Russian).

- Cobbold, R.P. *Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs*. London: W. Heinemann, 1900 (in Russian).
- Divanova, T. “Kalym i prichiny, sposobstvuiushchie ego sokhraneniui [Kalym and the reasons contributing to its preservation].” In *Voprosy istorii i prava. Sbornik statei prepodavatelei vuzov TSSR* [Questions of history and law. Collection of articles of teachers of higher education institutions of the TSSR], 114–118. Ashgabat: [N.s.], 1972 (in Russian).
- Dzhalilov, A. *Iz istorii polozheniia zhenshchin Srednei Azii do i posle rasprostraneniia islama* [From the history of the position of women in Central Asia before and after the spread of Islam]. Moscow: [N.s.], 1874 (in Russian).
- Hedin, S. *My life as explorer*. New York: Boni & Liveright, 1925.
- Kozhonaliev, S.K. *Sud i ugolovnoe pravo kirgizov do Oktiabr'skoi revoliutsii (1850–1917 gg.)* [Kyrgyz court and Criminal law before the October Revolution (1850–1917)]. Alma-Ata: [N.s.], 1967 (in Russian).
- Lansdell, H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885.
- Malyshev, N. *Obychnoe semeinoe pravo kirgizov* [Customary family law of the Kyrgyz]. Yaroslavl: tip. Gubernskogo pravleniia Publ., 1902 (in Russian).
- Mirmamatova, R.A., and Mamadaliev, I.A. “On the Issue of Emancipation of Females-Muslims in Middle Asia in the second Half of the XIX-th – the Beginning of the 20-th Centuries (on the material of Turkestan collection).” *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*, no. 2 (2014): 149–155 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanov Publ., 2015 (in Russian).
- Mukanalieva, A.M. “Iz istorii razvitiia pravoslavnogo missiionerstva na territorii Zapadnogo Kazakhstana [From the history of the development of Orthodox missionary work in Western Kazakhstan].” In *Sbornik materialov XLI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 23 noiabrya 2018 g., g.*, 21–24. Moscow: Olimp Publ., 2018 (in Russian).
- Nalivkin, V.P., and Nalivkina, M. *Ocherk byta zhenshchiny osedlogo naseleniia Fergany* [Essay on the life of a woman of the settled population of Fergana]. Kazan: Imperial Kazan University Publ., 1886 (in Russian).
- Ostroumov, N.P. *Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraia* [Konstantin Petrovich von Kaufman, organizer of the Turkestan region]. Tashkent: I.N. Kushnerev i K° Publ., 1899 (in Russian).
- Ostroumov, N.P. *Sovremennoe pravovoe polozhenie musulmanskoj zhenshchiny* [Modern legal status of Muslim women]. Kazan: Provincial Administration Publ., 1911 (in Russian).
- Palvanova, B. *Oktiabr i zhenshchiny Turkmenistana* [October and Women of Turkmenistan]. Ashgabat: Turkmenistan Publ., 1967 (in Russian).
- Ploskikh, S.V. “Vlast i zhenshchiny v kyrgyzskom obshchestve XIX v. [Power and women in Kyrgyz society of the XIX century].” In *Kurbanjan datka – vydayushchiisia politicheskii i obshchestvennyi detatel' kyrgyzskogo naroda. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabrya 2011 g.* [Kurbanjan datka – an outstanding political and public figure of the Kyrgyz people. Proceedings of the International Scientific Conference of October 25, 2011], 170–176. Bishkek: KRSU Publ., 2011 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. *Russkaia zhenshchina – istoriia i sovremennost: dva veka izuchenii ‘zhenskoi temy’ russkoi i zarubezhnoi naukoj. 1800–2000: materialy k bibliografii* [Russian woman – history and modernity: two centuries of studying the ‘women’s theme’ by Russian and foreign science. 1800–2000: materials for a bibliography]. Moscow: Ladimir Publ., 2002 (in Russian).
- Shkapsky, O. “Polozhenie zhenshchin u kochevnikov Srednei Azii [The position of women among the nomads of Central Asia].” *Sredneaziatskii vestnik* [Central Asian Bulletin], no. 6 (1896): 1–19; no. 7 (1896): 34–53 (in Russian).
- Vamberi, A. *Puteshestvie po Srednei Azii. Opisaniie poezdki iz Tegerana cherez Turkmenskuiu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo moria v Khivu, Bukharu i Samarkand, sovershennoi v 1863 godu* [Travel to Central Asia. Description of a trip from Tehran across the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand, made in 1863]. St. Petersburg: tip. Yu.A. Bokrama Publ., 1865 (in Russian).
- Voroshilova, S.V. “The position of women in a peasant family in pre-revolutionary.” *History of State and Law*, no. 3 (2012): 14–16 (in Russian).

- Yuvachev, I. “Kurban-Dzha-Datha, kara-kirgizskaya carica Alaya [Kurban-Ja-Datha, kara-the Kyrgyz Queen Alaya].” *Istoricheskii vestnik*, no. 12 (1907): 955–98 (in Russian).
- Zhakupova, A. *Razvitie semeino-brachnykh otnoshenii v Kazakhstane* [Development of family and marriage relations in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1971 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Вячеслав Петрович Литвинов, кандидат исторических наук, Елецкий районный отдел народного образования; Россия, 99740, Россия, Елец, ул. Ст. Разина, 21а; litwinov.slav@yandex; SPIN-код: 9120-1652.

Vyacheslav Petrovich Litvinov, PhD in History, Yelets regional department of national education; 21a, St. Razin Str., Yelets, 399740, Russia; litwinov.slav@yandex.ru; SPIN-code: 9120-1652.